

Шэнь Чжоу, запрокинув голову, с трудом подбирая слова, краем глаза глядя на его трусы.

Ё-моё!

Боже мой!

Вот это дела!

Леопардовый принт на трусах Ци Шаня излучал дикую энергию — настоящее мужское бельё.

Шэнь Чжоу лишь мельком взглянул, и кровь из носа хлынула, словно из открытого крана, не останавливаясь.

— Ё-моё? У тебя кровь из носа? — нахмурился Ци Шань, схватив его за руку и потянув к душевой. — Иди сюда, промоем водой.

Ци Шань быстро включил душ, и теплая вода полилась из лейки. Шэнь Чжоу стоял под струями, запрокинув голову и растирая нос.

Ноги у него были голые, на теле — только белая футболка. От воды она промокла насквозь, полупрозрачная ткань облегла рельефный пресс, очерчив тонкую талию юноши.

Ци Шань, набрав воды в ладони, плеснул себе в лицо, стараясь не смотреть на Шэнь Чжоу.

Кровь из носа остановилась только через какое-то время. Оба стояли под душем, спинами друг к другу, намыливаясь.

Чтобы разрядить обстановку, Шэнь Чжоу сделал нечто настолько прямолинейное, что самому захотелось дать себе пощечину.

Он бросил взгляд на Ци Шаня и не удержался:

— Может, я тебе спину потру?

Помыть спину — дело обычное. Когда он мылся с Линьцзы, они терли друг другу спины, как шкуру, с таким рвением, что после каждого мытья с них слезала кожа.

Но почему-то в этот момент, предложив это Ци Шаню, он почувствовал дикую неловкость.

Ци Шань на секунду замер, потом кивнул:

— Давай.

Шэнь Чжоу вдруг вспомнил, что у них даже мочалки нет, так что пришлось обойтись голыми руками.

Ци Шань повернулся к нему спиной:

— Ну, брат, моя спина в твоих руках.

Шэнь Чжоу криво ухмыльнулся. Это чертовски неловко.

Короткие волосы на затылке Ци Шаня давно не стриглись, лопатки были широкими, линии тела резкими и жесткими — он выглядел человеком упрямым.

Ци Шань не был похож на обычного парня. Его плечи были крепкими и широкими, словно он многое вынес на своих плечах.

Когда ладонь Шэнь Чжоу коснулась его спины, он удивился.

Мышцы были чертовски твердыми, даже не продавливались.

— Плечи у меня не такие, как у всех? — голос Ци Шаня прозвучал глухо. — Кажется, одно выше другого.

Шэнь Чжоу раньше не замечал, но отступил на шаг, присмотрелся — действительно, правое плечо было чуть ниже левого.

— В средней школе на стройке подрабатывал, — пояснил Ци Шань, похлопав себя по плечу. — Мешки с песком тогда правым плечом таскал, не знал я, что кости деформирует. А потом перешел на левое — выровнялось.

Представив десятилетнего мальчишку, который с трудом тащит мешки с песком больше него самого, Шэнь Чжоу стало горько.

Но скоро его тронула та открытость, с которой Ци Шань всё это рассказал, и он невольно выдал:

— В будущее не таскай мешки, здоровье испортишь, того не стоит.

— Тогда деньги срочно нужны были, сейчас лучше, не пойду уже, даже если позовут. Ци Шань стоял к нему спиной, лица не было видно, но голос звучал так же четко и холодно. — В любом случае, всё наладится.

Последние слова Ци Шань, казалось, он сказал больше для себя.

Помыв спину, Шэнь Чжоу прикинул количество шрамов на его теле — новые поверх старых, набралось не меньше пяти.

Ци Шань лишь отмахнулся:

— Это вообще ерунда.

Потом они поменялись. У Шэнь Чжоу фигура была классическая перевернутого треугольника: длинные ноги, узкие бедра, тонкая талия. Мускулы там, где надо, телосложение статное, главное — кожа белая.

Не болезненная бледность, а та чистота, что в самой кости.

Воздух был горячим и влажным, нечем было дышать. Ци Шань слышал, как собственное сердце бьется всё громче, кажется, скоро перекроет шум воды.

А дыхание Шэнь Чжоу, как белый пар в бане, окутало его целиком, проникло в каждый пор, наполнило легкие и поглотило его собственный вдох.

Влажный, теплый, с запахом, похожим на гормоны.

Ци Шань чувствовал, что парит в воздухе, пол под ногами казался нереальным.

— Ты на музыке учился? — вдруг спросил Ци Шань, когда они уже заканчивали мыться. — Вчера в караоке ты здорово спел.

— Раньше да, за границей учился. Сейчас в основном забросил, — Шэнь Чжоу опустил голову. — Не находишь, что музыка мне очень к лицу?

— О? — Ци Шань вытер с головы воду и посмотрел на него. — А какой у меня стиль?

Шэнь Чжоу прищурился:

— Вся жизнь — бунт и свобода.

Сказав это, они пошли переодеваться.

Шэнь Чжоу открыл шкафчик, и оттуда выпали его трусы.

Он даже не заметил этого, бросил телефон на кровать и вытер волосы полотенцем.

Затем он увидел, как Ци Шань, с голым торсом, направился прямо к нему.

— Чего хочешь? Не подходи, а то я буду защищаться! — Шэнь Чжоу вдруг разыграл драму, прикрывая грудь и лукаво глядя на него.

Ци Шань наклонился, подобрал трусы одним пальцем и бросил их на кровать:

— Брат, твоя аура просела, я поднял.

— Ё-моё, — Шэнь Чжоу потер нос. — Похоже, придется идти без трусов.

— Ты же в джинсах пришел. Командо без трусов не натрешь? — Ци Шань косо на него посмотрел.

— Не боюсь, — ответил Шэнь Чжоу. — У меня внутри подкладка из флиса, теплая, уютная.

Ци Шань не выдержал и рассмеялся. Теплая и уютная — тона какой-то слишком жалкий.

Только вышли из бани — было тепло, но через пару шагов уже почувствовали холод. Северный ветер резал лицо, глаза не открыть.

— Дует, дует, моя гордость и свобода, — гаркнул Ци Шань, наступив в снежную лужу. Снег хрустнул.

— Дует, дует, мне все равно, что там будет, — вторил Шэнь Чжоу с той же интонацией. — Смотри, как я смело улыбаюсь. Чёрт, не выходит.

Они шли, засунув руки в карманы, и кричали в лицо ветру.

— Смотри, как я смело машу рукой, — добавил Ци Шань. — Чёрт, слишком холодно, не буду махать.

Шэнь Чжоу толкнул его локтем и спросил с улыбкой:

— Может, споем вместе?

— Давай, что будем петь?

На ночной улице не было ни души, магазины закрылись рано, только фонари освещали белый снег, то и дело мигая и окрашивая дорогу в желтый свет.

*

Сегодня я смотрю на снег в холодной ночи.

С остывшим сердцем я уйду вдаль,

В погоне за ветром и дождем, в тумане теряю след,

Небо и море, ты и я.

*

Ци Шань повис у Шэнь Чжоу на шее, пел и громко хохотал, не замечая, как голос садится.

*

Прости меня за эту жизнь, полную свободы и бунтарства.

Но я боюсь, что однажды упаду, oh no.

Предать идеалы может каждый,

Но я не боюсь, что однажды останусь с тобой.

*

Их громкое пение разносилось на ветру, они шли, обнявшись за плечи, и их силуэты растворялись в ночи.

На следующий день Ци Шаню пришлось рано вставать — развозить молоко. В последнее время его начали узнавать.

Соревнования были настолько популярны, что почти все, от мала до велика, смотрели их по телевизору.

Разносил молоко одной девочке, она как раз из дома выходила, увидела его — радостно взвизгнула. Стала вымогать автограф, чуть не силой.

Ци Шань почувствовал, что его тщеславие удовлетворено сполна, на обратном пути купил Сюаньсюаню танхулу — решил побаловать.

С танхулу в руках он подошел к дому и начал звать Сюаньсюаня.

Обычно Сюаньсюань, стоило ему так крикнуть, радостно выбегал, прыгал вокруг него и крутился.

Тогда Ци Шань садился на мотоцикл, держал танхулу и дразнил его, поднимая высоко, чтобы не доставал, пока тот, готовый расплакаться, не получал лакомство.

Но сегодня, сколько он ни кричал, Сюаньсюань не выходил. Тогда Ци Шань загнал мотоцикл в навес под финиковым деревом.

С танхулу в руках он с недоумением зашел в дом.

<http://bllate.org/book/16828/1547563>